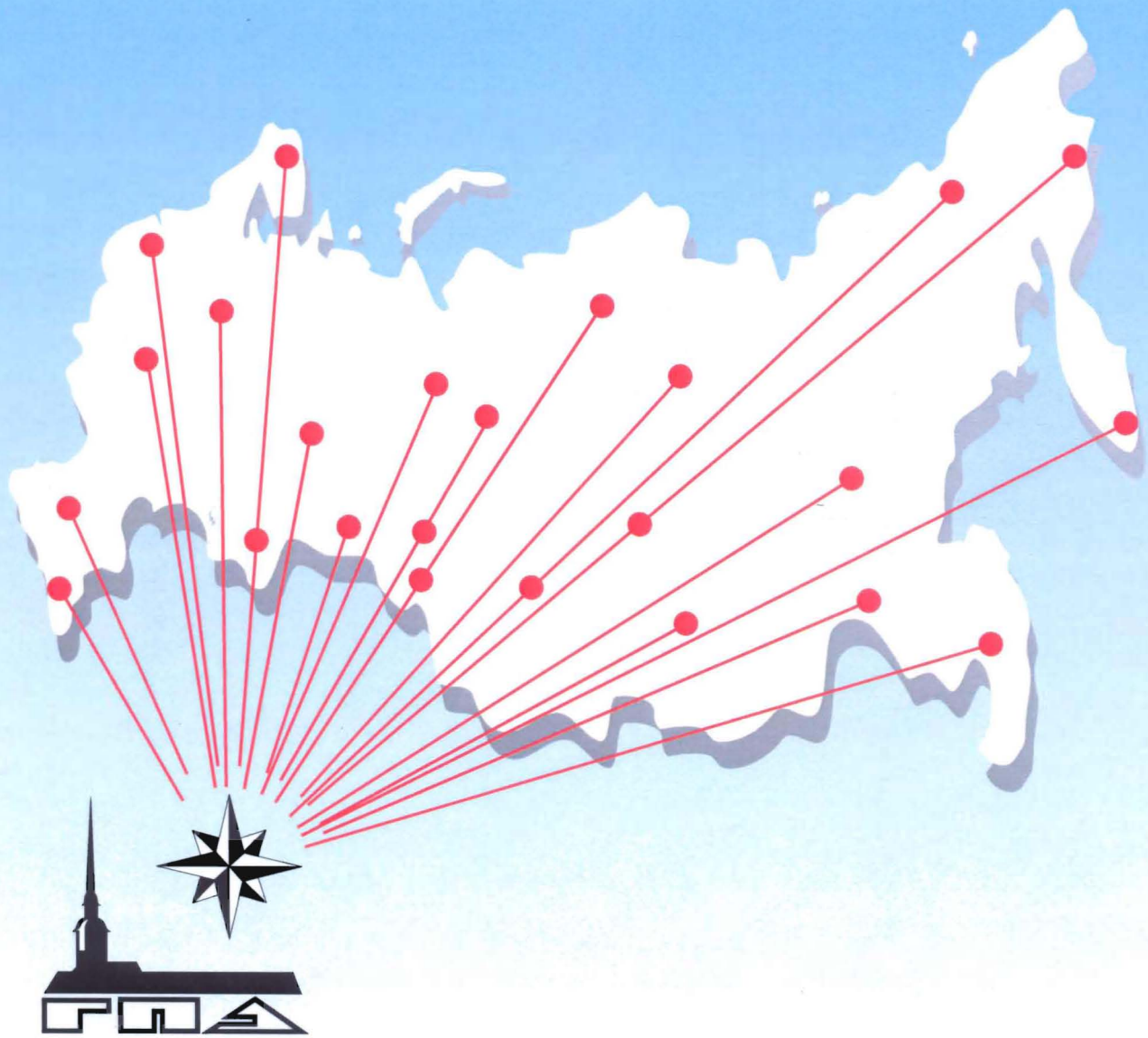

ВЕСТНИК №2(21)

Государственной
полярной академии 2015

УДК 82.43

Полторацкая Н.И.,
Кириллова В.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА

В статье речь идет об исторически сложившихся способах, какими люди могут помыслить и осуществить свое бытие в любви, о том, как складывались отношения между мужчинами и женщинами в западных обществах. Экскурс в историю начинается со времен античности и средневековья и доходит до середины XX века – времени кардинальных изменений социального статуса женщин. Особое внимание уделено эволюции представлений о том, каким образом взаимодействуют между собой мужское и женское начала.

Ключевые слова: эволюция взаимоотношений женщины и мужчины, изменение социального статуса женщины, мечты о любви и их отражение в реальности, мужское и женское начало, гендерные вопросы.

Poltoratskaya N.I.,
Kirillova V.V.

EVOLUTION OF LOVE PERCEPTION IN WESTERN CULTURE

Some historically formed modes of dreaming, thinking and realization of human life in love are presented. What were the relationships between men and women in the western societies. Historical review starts from antiquity and the Middle Ages till the XX-th century – when the dramatic changes in the social status of a woman took place. The evolution of masculinity and femininity relationship is examined.

Keywords: evolution of man and woman relations, changes in the social status of a woman, dreams of love and their reflection in reality, masculinity and femininity, gender aspects.

Интерес, зачастую скандальный, к гендерным проблемам характерен для современного общества, порой он даже отвлекает внимание от традиционно важных для литературы проблем любовных отношений между мужчинами и женщинами. Если обратиться к истории, то приблизительно до середины XX века речь шла не о статусе гендеров, а о положении женщин в социуме.

Признавая огромную значимость любовных отношений между полами, следует тщательно разбираться, какую разновидность любви исповедует тот, о ком идет речь, поскольку именно в любовных влечениях с категорической определенностью, недостижимой посредством исследования фактов биографии, открывается карта, на которую человек ставит свою жизнь. Вот почему Жан Бодрийяр мог с полным основанием сказать: «Любовь – вызов и ставка: вызов другому полюбить в ответ; быть оболоченным — это бросать другому вызов: можешь ли и ты уступить соблазну?» [1, с. 164]. На сексуальную жизнь, по его мнению, распространяется действие экономических установлений, царящих в нашем обществе: требование ликвидности, поточности, ускоренной обрабатываемости психического, сексуального и

телесного предстает перед нами как точная реплика закона, управляющего товарной стоимостью: капитал должен находиться в обращении, никаких фиксированных пунктов, цепочка инвестиций и реинвестиций не должна прерываться, стоимость должна иррадиировать непрерывно – такова сегодняшняя форма реализации стоимости; что же касается сексуальности, то сексуальная модель есть способ ее проявления на уровне тел. Однако любые попытки ущемления значимости любви приводят к плачевным результатам, и Стендаль еще в начале XIX века весьма удачно назвал «мариводажем» уловки разума, не желающего признавать за любовью ее неотъемлемых прав. Именно в этом причины печальных следствий подмеченного Бодрийяром переворота – от мужского начала и запрета, правивших прежде сексуальным разумом, к двоянной привилегированности женского наслаждения. Экзальтация женственности – совершенный инструмент для беспрецедентной генерализации и управляемого распространения «Сексуального Разума».

Прав был Ортега-и-Гассет, когда, рассуждая о причинах возникновения любви, усомнился в том, что красота, о которой так часто упоминают в связи с любовью, играет именно такую роль, какую

мы привыкли ей приписывать. «Идеей красоты, словно великолепной мраморной плитой, придавлена утонченность и свежесть психологии любви» [2, с. 12], – утверждал он. Считается, что если мы сообщали о женитьбе мужчины на красивой женщине, то этим все сказано, в то время как на самом деле не сказано ничего. Заблуждение коренится в наследии Платона, хотя для него красота не означала лишь телесное совершенство, а была выражением совершенства как такового, той формой, в которой для древнего грека воплотилось все, чем стоило дорожить. Под красотой подразумевалось превосходство. Этот своеобразный взгляд послужил отправной точкой для последующих теорий любовных влечений.

Многие теории любви, выработанные мужчинами, подвергаются обоснованной критике со стороны феминисток, ибо, вследствие разницы между мужчинами и женщинами в восприятии этого чувства, нередко возникают всевозможные недоразумения. «Мужчина, – замечает Клодина Эрман, – очень рано привыкает думать, что, поскольку функция женщины в том, чтобы посвятить себя ему [...] она обязана ему своей преданностью в обмен на тот статус, который предоставит ей его собственная социальная функция или даже [...] в обмен на одно только его присутствие в ее жизни, каковое он обычно оценивает очень высоко. Таким образом, функция любви, в понимании мужчины, в том, чтобы быть обращенной исключительно на него [...] а личность женщины и ее способность к саморефлексии (вместо рефлексии по поводу мужчины) кажутся ему совершенно лишними» [3, с. 76]. Многие мужчины вполне искренно мнят себя центром вселенной для женщины и не признают за ней никакого права их судить.

В теориях психоанализа сыны Эдипа поглощены решением кардинальных для них вопросов: «Кто самый сильный из всех? И чья власть будет самой незыблемой?». Женщинам подобные терзания чужды, но это не означает, будто психоаналитики, на этом основании, устранились от решения проблем представительниц прекрасного пола: женщин не оставили без

внимания, приписав им — по аналогии с мужчинами — комплекс Электры, взбунтовавшейся против материнской власти. Таким образом, вопрос об Эдиповом комплексе в теории психоанализа выглядит отмеченным определенным андроцентризмом, – тенденцией универсализации мужского начала и принятия его в качестве референции без учета того, что это всего-навсего одна из точек зрения – что и превращает серьезную феминистскую проблему в простую проекцию мужского опыта. А ведь женщин, по большому счету, волнует отнюдь не вопрос о том, кто главнее: кардинальный для них вопрос, обращенный к мужчине, звучит иначе: «Кто из нас дороже твоему сердцу?» У женщин есть свои комплексы – как же без них? – но они связаны скорее с их усилиями утвердить свою основанную на душевной привязанности незаменимость для мужчины, чем со стремлением поучаствовать в рационально замысленных играх власти. «Сердце-вещун» помогает им уклониться от выстраивания хитроумных стратегий любви, дополненных мудреными выкладками и теми глубокомысленными рассуждениями, которым во все века отдавали дань мужчины. У нас все еще господствует иерархия ценностей, установленная классическими греками: сознание, знание и резон (маскулинные ценности) считаются первостепенными, а инстинкт, интуиция и чувство (фемининные ценности) – второстепенными. Сила как ценность все еще преобладает над ощущением идентифицированности и обязательств перед будущим, а посему среди теоретиков любви, играющей важную роль прежде всего в жизни женщины, встречаются главным образом мужчины.

Отношения между мужчинами и женщинами прошли в своем развитии через несколько стадий. В Ветхом Завете, как мы помним, все решало простое установление особого места и предназначения женщины: все помыслы ее должны быть направлены на удовлетворение желаний мужчины, и он должен управлять ими.

Первыми «теоретиками» любви выступили древние греки, и они предложили такую ее классификацию: филия (любовь-

приязнь, любовь-симпатия, любовь-дружба), агапе (жертвенно-нисходящая любовь к ближнему), строге (привязанность на базе заданного общения — брак по расчету), эрос (вспыхивает как спонтанная и независимая от воли стихийная страсть); при этом своевольный эрос мог реализовать себя наперекор очевидным нравственным, ментальным и социальным соответствиям. Следует отметить, что в рамках ориентированной на «агапе» христианской традиции «филия» отторгалась куда более яростно, нежели «эрос» в его стихийной физиологичности: любодееяние по тяжести греха занимает в «покаянных книгах» второе (после гордыни) место. Причина столь сурового осуждения – в неприятии торжества индивидуального предпочтения, вступающего в противоречие с заветом любить всех одинаково: с позиций такого евангельского завета, тяжкий грех любить не всех равномерно, но единственную безмерно.

В античном обществе женщина была не более, чем носителем титулов и родственницей знатных особ, способом скрепления военных союзов: она всего лишь «разменная монета во взаиморасчетах мужчин». Древние вообще старались решить проблемы любовных отношений без лишних сантиментов: закон Солона обязывал супругов сближаться не реже чем трижды в месяц не ради наслаждения, а с тем, чтоб, обновляя брак, освободить его от набирающихся при всей взаимной благожелательности в повседневной жизни разногласий. Стараться-то они старались, но только не всегда полученный результат оправдывал ожидания, и мужчины снова и снова оказывались перед необходимостью сворачивать с легких путей и тратить усилия на завоевание благосклонности женщин. Не случайно Овидий посвятил этой теме столь прочувствованные размышления. У римского поэта Эрос – это легкомысленный мальчик, летающий по свету с луком в руках; за спиной у шаловливого бога колчан со стрелами, у которых либо золотые, либо свинцовые наконечники. Те, кого настигла золотая стрела, сходят с ума от любви, зато те, кого поразит свинцовая стрела, не способны ощутить ее сладость.

Однако это не означает, будто пораженные свинцовой стрелой добровольно лишат себя удовольствия высказаться на эту тему. Из подобных мудрствований как раз и рождаются взгляды, подобные взглядам Спинозы, убежденного, будто любовь – это щекотание, сопровождаемое идеей внешней причины, или Шопенгауэра, полагавшего, что любовь часто вступает в противоречие «с собственной индивидуальностью человека, ибо страсть устремляется на такие существа, которые, помимо половых отношений, способны возбуждать у влюбленного одно только презрение, ненависть и даже прямое отвращение».

В «Науке любить» Овидий предлагает набор незамысловатых рецептов, которым столетиями охотно следовали мужчины: «Обещай, не скупись, – обещания разве что-нибудь стоят? Обещаниями может быть богат каждый. Надежда, соединенная с доверием, живет долго» [4, с. 56]. «Не бойся давать обещания, – наставляет он, – обещания увлекают женщин – а давая обещания, призывай в свидетели каких угодно богов!» [4, с. 65]. «Ты должен играть роль влюбленного, твой разговор – выражать твои страдания» [4, с. 66]. «При ухаживании помогают и слезы, – слезами ты размягчишь хоть алмаз!» [4, с. 68]. По оценке Овидия, соблазнение требует большой сноровки, и «одно искусство делает любовь бессмертной», а потому, «если ты хочешь, чтобы женщина продолжала любить тебя, старайся внушить ей мысль, что ты в восторге от ее красоты» [4, с. 91]. Самое важное – не позабыть при этом, что ни в коем случае нельзя нарушать обещания, данные мужчинам, и «если вы умны, потешайтесь безнаказанно только над одними женщинами!» [4, с. 118]. Заметим кстати, что спустя столетия Стендаль в том же самом ключе описывал французский обычай «обращаться с женщинами, как с особого рода мужчинами, – более великодушными, более изменчивыми, с которыми, главное, невозможно соперничать» [5, с. 66], поскольку «последние из мужчин уважают друг друга больше, чем их» [5, с. 67]. Однако в том, о чем говорил Овидий, нет и вздоха любви: по меткому замечанию одного французского автора, то бы-

ла собственно не «наука любить», а «наука соблазнять».

Принято считать, что в отношениях с представителями противоположного пола женщина может играть четыре роли: сексуальный объект, сестра, романтический идеал и мать. С возникновением Эго и отходом от матриархального уклада единство женской личности диссоциируется на противоположные друг другу категории: сексуальный объект и мать. Культурная эволюция, породившая христианство и бескорыстную братскую любовь, выделила, как можно заметить, еще два аспекта женской личности – фигуру сестры и романтический идеал. Придав особую святость фигуре сестры, христианство безоговорочно осудило женщину в качестве сексуального объекта, а значение полового акта ассоциировало со злом, грехом, падением и смертью.

Жесткая позиция церкви в вопросах пола ставила перед каждым христианином дилемму: или полное отвержение красоты и великолепия земной жизни – или безрасудное приятие всего этого, не сдерживаемое более страхом погубить душу. Мирская красота из-за признанной греховности становилась вдвойне притягательной; если перед нею сдавались, то наслаждались ею с безудержным пылом. Страхи мужчин во времена Средневековья находили выход либо в грубых, женоненавистнических произведениях, либо в идеализации желания и в превращении его в игру: так выглядел более тонкий способ преодоления неприятного чувства, возникающего перед лицом «непостижимой тайны женского наслаждения». Куртуазная литература была создана для преодоления страха мужчин оказаться неспособными удовлетворить женщин – этих странных существ, которым вся система ценностей приписывала тогда неутолимые аппетиты и глубокую испорченность. Главные персонажи куртуазной литературы – мужчины, ибо женщины существуют в ней исключительно для того, чтобы оттенить их добродетели. Власть рыцарей над собственным телом простиралась вплоть до того, чтобы лежать голым рядом с дамой, не поддаваясь соблазну и демонстрируя совершенное вла-

дение собой. В средневековой культуре даже там, где любовь облачается в идеализированные формы, вся эротическая культура остается исключительно сферой эгоизма мужчин. Мужчины той поры готовы были, если того требовала честь, строго следовать любому кодексу: вот его-то и предложила им куртуазная наука. В определенном смысле вся «Веселая наука» обладает предельно строгой нормативной заданностью, и живому чувству просто некуда просочиться. Всем правит ритуал: сначала даму целуют, затем она сама подставляет уста для поцелуя, затем уступает все более дерзким ласкам, действие которых состоит в том, чтобы усилить желание другого. Верхушка феодального общества старательно приноравливалась к искусственным и взвинченным идеалам любви.

Как ни горько это признавать, но ни в эротической литературе, ни в благочестивых книгах Средневековья не отыскать сколько-нибудь заметных следов подлинного участия к женщине, к ее слабости и к тем горестям и опасностям, которые сулит ей любовь. Сострадание формализовалось в фиктивный рыцарский идеал освобождения девы, где присутствует, собственно говоря, лишь чувственная прелесть от удовлетворения мужского тщеславия. Любовь существовала как прекрасная и опасная игра, и разыгрывалась она в рыцарском стиле. Этот стиль не забыт и по сию пору, ибо, по сути дела, форм, в которые волей-неволей облачается идеал любви, на все времена лишь несколько.

В куртуазной литературе преобладала скрытая, непрямая эротика, и темы ее – возможность удовлетворения, обещание, желание, недоступность или приближение счастья. Здесь высшее удовлетворение перемещалось в область невысказанного, в область опутанного тончайшими покровами смутного ожидания. Символическая любовная куртуазная литература – это, прежде всего, литература «бегства» и «ухода от реальности». И такой «уход» затянулся на несколько столетий.

В 20-х годах XIX века Стендаль разработал систему взглядов, основанную на различении четырех «родов любви». Это любовь-страсть, любовь-влечение, фи-

зическая любовь и любовь-тщеславие. Прошло чуть больше века, и Ортега-и-Гассет выступил с критикой теории Стендаля на том основании, что ее творец сорок лет посвятил разрушению бастионов женского пола, выпестовал целую стратегическую программу с первопричинами и отдаленными следствиями, а результат его усилий был равен нулю: он не снижал любви ни одной женщины. Если Стендаль предполагал, что состояние влюбленности сопряжено со сверхактивностью сознания, то Ортега-и-Гассет считал подобное суждение ошибочным: «кристаллизация» в описании Стендаля сопровождается всплеском душевной энергии и обогащением внутреннего мира, тогда как, по убеждению Ортега-и-Гассета, влюбленность – это состояние душевного убожества, при котором наша внутренняя жизнь скудеет, нищает и парализуется. У Стендаля все шло через ум, отсюда и его любовные неудачи.

В XX веке интерес к концепции любви проявлял не только Ортега-и-Гассет. В 50-е годы Эрих Фромм задумал в своей книге «Искусство любить» исправить то, что он считал основным недостатком сочинения Овидия «Наука любить». По мнению Фромма, для большинства людей (и для Овидия в том числе) проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы самому любить, и самое важное для них – это возбудить чувство любви к себе. Пути к этому у двух полов различны: путь мужчин – стать настолько удачливым, сильным и богатым, насколько позволяет социальная ситуация; путь женщин – пленить своей внешностью, фигурой или одеждой. Наша цивилизация стремится к накоплению, вот почему привлекательная женщина для мужчины и привлекательный мужчина для женщины – это добыча, которой необходимо завладеть. Однако вкусы подвержены изменениям. В 20-х годах привлекательной считалась эмансипированная – умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная женщина, а позднее мода потребовала от нее больше домовитости и скромности. В горячке увлечения, полагает Фромм, зачастую не делают различий между влюблен-

ностью и любовью как постоянным чувством, и потому едва ли какое-нибудь другое чувство, начинаясь с огромных надежд и ожиданий, терпит крах с такой неизменностью, как любовь. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость постепенно утрачивает чудесную новизну, пока наконец взаимный антагонизм, разочарование и пресыщенность друг другом не гасят остатки былого огня.

Надо сказать, что и попытки определить – и тем самым отделить женское начало от мужского, противопоставить женственность мужественности, а мужчине – женщине, имеют давнюю и долгую историю. Еще современник евангельских апостолов гностик Симон Волхв рассуждал о том, что Высший принцип и великая Сила является Всеобщим Разумом, управляющим всем и мужественным, а вот «низший принцип, великая Мысль, порождает все и женственна» [6, с. 20]. Символические фигуры, представляющие божественное падение – это мужественный Первочеловек и женственная Мысль Бога, и потому истина – Алетейя – всегда женского рода. «Женское начало ближе к космическому, – подчеркивал Шпенглер. – Оно глубинным образом связано с Землей и непосредственно включено в великие кругообращения природы. Мужское свободнее, зверинее, подвижнее также и в смысле ощущения и понимания, оно бодрей и напряженней. Мужчина переживает судьбу и постигает каузальность, логику ставшего в соответствии с причиной и действием. Женщина, однако, и есть судьба, и есть время, и есть органическая логика самого становления» [7, с. 340], и без восприятия ее ценностей невозможно полноценное переживание великого чуда бытия, которое плодотворно развивается лишь на пространстве между двумя великими полярностями мужского и женского начал. Хорошо всем известны юнгианские постулаты о том, что «мужское» идентично понятию логос, а «женское» – эросу, поскольку женщина – существо, сильнее привязанное к близким, более интимное, пассивное, и она обладает большими мазохистскими чертами, чем абстрактное, интеллектуальное, агрессивное, активное и

склонное к садизму мужское существо. Однако подобное мнение свидетельствует скорее о том, что на момент его появления в обществе доминировали соответствующие ему стереотипы мужского и женского поведения и не более того.

Для одушевляемого жаждой власти мужчины после завоевания власти дальше двигаться некуда: он в таком случае осуществился, тогда как для женщины любая власть – не цель, а скорее средство, и с ее обретением все самое интересное только начинается. Именно в этом смысле следует понимать заявление Бретона о том, что настало время обратить внимание на женские идеи, а не на мужские, которые весьма шумно переживают ныне свое крушение. В процессе приспособления обоих полов к меняющимся условиям возникнет много сложностей, но это не оправдывает тех предрассудков, которые отстраняют половину человечества от планирования и принятия решений, особенно тогда, когда другая его половина путем эскалации и ускорения в процессе конкуренции технологического прогресса привела нас и наших детей, при всем нашем богатстве, на грань пропасти. Может быть, не так и безосновательно женщина, оценивая издержки оголтелого мужского соперничества в борьбе за власть, презирает «мужскую политику, которой никогда не понимает, о которой она лишь знает, что та похищает у нее сыновей. Что ей победоносное сражение, уничтожающее победу, одержанную тысячей родов?». Мужской принцип, основанный на том, что энергия человека обращается вовне, судя по всему, исчерпал себя, и скоро грядет время, когда энергию станут обращать внутрь. Женский принцип как раз и основан на том, что энергию направляют вовнутрь. Сглаживание противоречий, умение увидеть единство противоположностей, примирить непримиримое – все это в мире, чреватом глобальными катастрофами, будет оцениваться очень высоко.

Радость как порыв свободы предназначена мужчинам, но зато женщина способна испытывать ощущение пьянящей полноты бытия. Природа женщины – стихия чувственности, радостной любви, ко-

гда можно отдаваться, если любишь, и любить все, что нравится. Мужчинам же природа кажется чем-то враждебным: из смеющихся богов древности они сотворили демонов, и всякая женщина для них – это отчасти еще и дьяволица. Страхи мужчин и женщин направлены в разные стороны. Женщина способна даровать жизнь, и даже в наше время где-то глубоко в мужчине сидит благоговейный страх перед ней и перед тем даром, которого он лишен. В любовных отношениях с женщиной мужчина тревожится о своем Эго, о престиже, о том, чтобы иметь значимость в глазах женщины, тогда как женские страхи лежат в сфере сексуального удовольствия и удовлетворения. В каком-то смысле все это подготавливает почву для весьма болезненного – с точки зрения мужского самолюбия – вопроса, идеально сформулированного Мариной Цветаевой: «Кто был охотник, кто – добыча?». Если удовольствие женщины сомнительно, то мужчина, оставленный наслаждаться в одиночку, ограничен простым суммированием своих удовольствий и побед.

Эрих Фромм полагает, что, поскольку главным для мужчины является «не провалиться» и справиться с задачей, ведущим мотивом его поступков, спасающим его от страха, является желание престижа. «Мужчина страстно желает доказать себе, любимой женщине, что он способен быть таким, каким его хотят видеть [...]. Страстным желанием завоевать престиж окрашиваются и его взаимоотношения с другими мужчинами. Опасность оказаться несостоятельным заставляет его доказывать, что он лучше, чем другие. За сексуальным образом Дон Жуана скрывается образ обычного мужчины, который должен убивать как можно больше врагов, приносить с охоты больше добычи, зарабатывать больше денег или преуспевать в других сферах, чтобы обогнать соперников» [8, с. 110]. Удовольствие, которое получает Великий соблазнитель весьма сомнительно, да оно ему и по рангу не положено, ведь, по меткому замечанию выражению Ортега-и-Гассета, Дон Жуан – не тот, в ком женщины пробуждают страсть, а тот, кто пробуждает страсть в женщинах

(согласно легенде, Дон Жуан соблазнил ровно 1003 женщины). По поводу подобного типа мужчины Э. Фромм заметил: «Очень часто, если у мужчины черты характера его пола не развиты и эмоционально он остался ребенком, человек будет стараться компенсировать этот недостаток преувеличенным подчеркиванием своей мужской роли в сексе. Таков Дон Жуан, которому нужно было доказать свою мужскую доблесть в сексе, потому что он внутренне не уверен в своей мужественности в смысле характера. Если недостаток мужественности принимает крайнюю форму, то извращенным заменителем мужественности становится садизм (употребление силы). Если женская сексуальность ослаблена или извращена, это трансформируется в мазохизм или собственничество» [8, с. 104].

Всеми силами стараясь удержать женщину в рамках семьи, мужчины невольно с опаской ожидают, когда же она возьмет на вооружении их принцип: ничего половинчатого! Если не можешь быть доброй, верной женой, – будь дьяволом! С особой горячностью всевозможные инфернальные черты приписывают женщинам, по той или иной причине избежавшим уз брака. Ускользая из мира супружества, нимфы и амазонки подвержены сексуальности, которая может быть только дикой, случайной – с сатирами, с полумужчинами – наполовину животными, или со случайными мужчинами. Из описанных нами страхов складывается весьма нелестная оценка женщины мужчинами: она осторожна и мелочна, ограничена, неточна, самым недостойным и низким образом прагматична, лжива, неискренна, корыстна, легкомысленна, эгоистична, жестока и порочна. Но все это несколько не мешает им осыпать ее комплиментами, чтобы успешнее ими манипулировать. С этой же целью мужчины взахлеб превозносят до небес традиционные женские добродетели: смирение, верность и целомудрие. Суть многих конфликтов между полами в том, что мужчина предъявляет женщине двойственное требование, чем и обрекает ее на двуличие: он хочет, чтобы она принадлежала ему и в то же время оставалась чу-

жой; он мечтает о служанке и ведьме одновременно. Но только в первом из этих желаний он признается публично; второе требование – скрытое, он прячет его в тайнике своего сердца; оно идет вразрез с моралью общества; оно – злое, как Другой, как строптивая природа, как «дурная женщина».

Таким образом, все женское – не только соблазн, но и вызов, бросаемый всему мужскому, ставящий под вопрос существование мужского как пола, его монополию на пол и наслаждение, его способность пойти до конца и отстаивать свою гегемонию насмерть. Сексуальная история нашей культуры отмечена неослабевающим давлением этого вызова: не находя в себе сил принять его, фаллоκραтия терпит сегодня крах, и наша концепция сексуальности рушится вместе с нею, поскольку она была выстроена вокруг фаллической функции и позитивной дефиниции пола.

Адольф Гуггенбюль-Крейг, посвятивший себя исследованию проблем брака, пришел к заключению, что любой супруг спустя какое-то время после свадьбы наталкивается на патологические аспекты психики своего партнера, которые неизменны и для обоих имеют мучительные последствия. Чтобы брак не разрушился, кто-то должен уступить, и легче уступает тот, кто менее подвержен психопатии. Если один из супругов охладевает, другому не остается ничего другого, как с большей пылкостью демонстрировать любовь даже в том случае, если партнер реагирует на это очень слабо и неадекватно. А потому все, кто советует супругам заботиться только о себе и не потворствовать слабостям своей половины, лгут. Мужчина и женщина дополняют друг друга лишь отчасти, а потому правильное понимание брака подразумевает освобождение от «комплекса гармонии». «Брак – отнюдь не гармоничный союз, однако он является плацдармом индивидуации, поскольку супруги помогают друг другу познать мир, добро, зло, высокое и низкое, одним словом, – бытие» [9, с. 48].

Неспроста мужчины в восприятии женщины (так же, как и женщины в вос-

приятности мужчин) – это лица противоположного пола: даже пороки у них проявляются по-разному. Эрих Фромм верно подметил, что для мужского тщеславия характерно стремление показать, какой он «везунчик». Мужчине обязательно надо объявить, что он не боится неудачи. Подобное тщеславие пронижает все поступки мужчины. Страсть к престижу – основная черта характера мужчины. Женское тщеславие иного рода, им управляет желание привлекать, ей необходимо доказать (и прежде всего самой себе), что она может нравиться. Мужчины, стремящиеся обольстить женщину, не ограничиваются только сексуальной привлекательностью, поскольку в их распоряжении разные способы завоевания женщины – это и физическая сила, и социальное положение, и богатство. Что же касается сексуального благополучия женщины, то оно полностью зависит от ее способности очаровать мужчину. «Женское стремление быть привлекательной вытекает из ее сексуальной роли; забота о сексуальной привлекательности – вот сущность женского тщеславия» [8, с. 105-106]. А посему, если принять мысль Юнга о том, что двумя основными причинами психических катастроф выступают, с одной стороны, разочарование в любви, с другой – неутоленная жажда власти, легко будет себе представить, для представителей какого пола какая из этих причин важнее. «Мужчина делает историю, женщина же и есть история. Тайнственным образом здесь обнаруживается двойственный смысл всех живых событий: с одной стороны, они представляют собой космическое протекание как таковое, но, с другой – это есть последовательность самих микрокосмов, охватывающая это те-

чение, его защищающая и поддерживающая. Вот эта-то «вторая» история и есть в полном смысле мужская история – политическая и социальная: она сознательнее, свободнее, подвижнее. Она уходит глубоко назад – в истоки животного мира и в ходе жизни высоких культур принимает свой высший символический и всемирно-исторический облик. Женская же – первая история, вечная, материнская, растительная (в самом растении есть что-то женское), лишенная культуры история последовательности поколений» [7, с. 340].

К середине XX века стала набирать ускорение смена ценностей: разум как объединительная сила и гарант всеобщего просвещения и порядка начал тогда вызывать сомнения и был отвергнут, но не ради торжества иррациональности, а во имя другого разума, не чуждого ни тьме, ни распаду единства, ни даже заблуждению. Это изменение сделало возможными описание окружающего нас мира в терминах противопоставления «женского» «мужскому», которое позднее и послужило основой для многих неофеминистических движений. Современную культуру характеризует отчетливая тенденция к сглаживанию второстепенности роли женщины. Прежде незыблемые представления о превосходстве мужского начала все чаще подвергаются сомнению, хотя и пророчества относительно того, что третье тысячелетие ознаменуется торжеством женского начала, безоговорочного доверия не вызывают.

Каким же все-таки предстанет перед нами мир, если за исходную точку мы возьмем женщину и если мир культуры будет построен на основе ее ценностей? Когда-нибудь мы об этом узнаем, ждать осталось не так уж и долго: века два-три.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Звезда. – 1991. – № 2. – С. 139-174.
3. Негтманн С. Les Voleuses de langue. Paris: Des Femmes, 1976. – 151 p.
4. Овидий. Наука любить. – М.: Вернисаж, 1992. – 71 с.
5. Стендаль. О любви. В кн.: Стендаль. Собр. соч. в 12 тт. Т. 7. – М.: Правда, 1978. – С. 9-87
6. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 2000. – 383 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Собр. соч. в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1999. – 604 с.
8. Фромм Э. Догмат о Христе. – М.: Олимп, 1998. – 414 с.
9. Гутгенбуль-Крейг А. Брак умер – да здравствует брак! – СПб.: Б.С.К, 1997. – 114 с.
10. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ, 2014. – 221 с.